

Письма Капитанъ-лейтенанта П. Воеводскаго А. П. Зонтагъ.

(Эпоха Севастопольской войны 1854—1855 г.)

15.

Въ первыхъ числахъ февраля Генер. Лейтенанту Хрулеву былъ порученъ отрядъ до 14 т. человѣкъ и вся полевая артиллерія (всего 108 орудій), и дано приказаніе штурмовать Кизловъ, въ которомъ считали не болѣе 10 т. турокъ.—Хрулевъ подвезъ всю артиллерію ночью на разстояніи 250 саж. и въ 2 часа по полуночи открылъ страшный огонь, продолжавшійся все утро.

Въ полдень два батальона были посланы на штурмъ и когда Турки построились, чтобъ ихъ встрѣтить, оказалось, что въ городѣ до 40 тысячъ.—Опасаясь большой потери, Хрулевъ воротилъ войска и этимъ дѣло кончилось. Потеря наша убитыми и ранеными до 1000 челов., но Турки, набитые биткомъ въ небольшомъ городѣ, понесли уронъ гораздо значительнѣйшій: говорятъ, что у нихъ было изъ фронта до 4000, и это весьма вѣроятно. Нѣкоторыя изъ нашихъ батарей, дѣйствовавшія не противъ укрѣпленій, а собственно по городу и гарнизону, подскакивали на разстояніе 120-ти саж. и израсходовали тамъ все снаряды. Дѣло это не имѣло особенно важныхъ результатовъ, но общій голосъ, что было ведено очень умно; а въ настоящую войну, замѣчательную постоянными ошибками и промахами, должны быть благодарны и за это.—10-го Февраля дали маленькій урокъ Французамъ и показали имъ, что значить русскій солдатъ подъ начальствомъ толковаго человѣка! Нашли нужнымъ построить небольшой редутъ лѣвѣе, и нѣсколько впереди оборонительной линіи. Вечеромъ перевели два полка: одинъ работаль, другой

служилъ прикрытіемъ, и первая ночь прошла спокойно, вѣроятно потому, что Французы не ожидали нашихъ работъ.—На слѣдующую ночь, т. е. 10-го числа, Селенгинскій полкъ опять работалъ, а Волынский, 2 батальона, прикрывалъ его. Одинъ батальонъ былъ раскинутъ въ цѣпь, другой служилъ резервомъ. Около полуночи, пользуясь темнотою, Французы обошли оба фланга цѣпи и безъ выстрѣла стремительно бросились на нашихъ. На правомъ флангѣ ихъ замѣтили во время: цѣпь сомкнулась, пристроилась къ резерву; тогда бросились въ штыки и опрокинули Французовъ, гнали ихъ до самыхъ траншей. На лѣвомъ флангѣ они сняли цѣпь и бросились въ редутъ. Здѣсь ихъ приняли сперва рабочіе, а потомъ построились отступившіе и завязался рукопашный бой, окончившійся не въ пользу Французовъ; тѣ, которые могли уйти, были прогнаны, 7 чел. офицеровъ, большею частью раненыхъ, и 25 солдатъ взято въ плѣнъ, да на другой день похоронили шестерыхъ офицеровъ и около 100 солдатъ; всю же потерю Французовъ полагаютъ около 500 человекъ, у насъ выбыло изъ фронта 240.

Большая часть ранъ—штыками и прикладами. Французовъ было до 3¹/₂ подъ начальствомъ генер. Моне, съ нашей стороны главное участіе приняли 2 батальона Волынцевъ подъ командою полкового Командира г.-маіора Хруцова, бывшаго все время впереди и главного виновника успѣха.

Зато 13-го числа мы понесли большую потерю, принесъ въ жертву необходимости опять значительную часть нашего флота. Буря 2 Ноября, надѣлавшая такъ много вреда непріятелю, размыла и нами затопленные корабли; образовался проходъ, которымъ непріятель хотѣлъ воспользоваться.

Получены были вѣрныя свѣдѣнія, что винтовой корабль „Наполеонъ“ долженъ былъ итти передовымъ и вести за собою другіе.—Для предохраненія прислуги отъ дѣйствія батарей, надъ кораблями дѣлались своды и устраивались прочныя крыши. Они знали хорошо, что на нашихъ корабляхъ было лишь по нѣсколько орудій (остальные взяты на батарее) и по 100 челов. команды, такъ что они не могли бы оказать никакого почти сопротивленія. Три корабля были укомплектованы полнѣе прочихъ, но это было ничтожно сравнительно съ числами непріятеля. Войди они на рейдъ, участь всего флота нашего и самаго Севастополя была бы рѣшена. *Укрѣпленія наши не имѣютъ вовсе тыльной обороны*, и, войдя въ бухту, непріятель могъ бы ихъ

уничтожить. Чтобъ отвратить это, затопили 120-ти пушечн. кор. „Двѣн. Апостоловъ“; два 84-хъ пуш. „Святославъ“ и мой „Ростиславъ“, три фрегата. Теперь у насъ осталось 6-ть „кораблей“; ихъ укомплектовали людьми и артиллеріею, и они дорого еще постоятъ за себя. Нѣсколько вечеровъ сряду непріятель бросаетъ Конгревовы ракеты; видно, что дѣлаетъ опыты. Онѣ летятъ версты за четыре и падаютъ на рейдъ въ воду: видно, что добираются до кораблей, но по дальности не могутъ дать настоящаго направленія. Вчера одна попала на флагманскій корабль; пробила верхнюю палубу, но не нанесла большого вреда. Батарей и вообще земляныя работы непріятеля подвигаются впередъ: по всей вѣроятности, скоро начнутся дѣйствія; одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ они кончатся. А политическія вѣсти не въ нашу пользу, въ особенности досадно на безсовѣстную Австрію.

16.

Недавно писалъ я къ Вамъ, Почтенная Анна Петровна, а теперь, получивъ письмо Ваше отъ 27-го Января, спѣшу поблагодарить Васъ за корпію и холеть; послѣдній въ особенности будетъ полезенъ.—Съ дозволенія Вашего, я употребляю то и другое на перевязочномъ пунктѣ, устроенномъ для моего редута, который защищается 800 матросъ и 2000 солдатъ.—Хотя теперь у насъ довольно покойно, но отъ времени до времени непріятель бросаетъ на редуть бомбы, въ цѣпи ружейный огонь въ продолженіи цѣлаго дня, и раненныя есть постоянно. Хотя въ главной госпитали и много корпіи, но оттуда неохотно раздають ее на сторону; теперь же я обезпеченъ; прошу Васъ выказать мою душевную благодарность Вашей родственницѣ, а раненые, конечно, будутъ благословлять благотворительность особъ, позаботившихся о нихъ.—

У насъ есть значительныя перемѣны. Случись онѣ два-три мѣсяца назадъ—была бы огромная польза; теперь же, можетъ быть, поздно.

18-го Февраля, совершенно неожиданно, кн. Меншиковъ объявилъ, что ѣдетъ по болѣзни въ Симферополь, и на другой день выѣхалъ, сдавши главное начальство Сакену, по распоряженію котораго начальникомъ гарнизона былъ назначенъ Гав. Ст. Нахимовъ.—

Думали, что это временно, и что Князь воротится, а вчера получено извѣстіе, что онъ ѣдетъ въ Николаевъ, а, слѣдовательно, оста-

вляеть насъ совсѣмъ.—Отъѣздъ его, конечно, не опечалилъ, но дѣла наши въ настоящее время такъ не хороши, что кто бы не былъ назначенъ, вредъ ли будетъ въ состояніи ихъ поправить. Главное—недостатокъ въ войскѣ, а взять не откуда.—Прежде Князь не требовалъ, теперь подойти имъ нѣтъ время.—Разсказываютъ за вѣрное, что къ намъ ѣдетъ изъ Бессарабіи Кн. Горчаковъ; Сакенъ поступить опять начальникомъ гарнизона, а Пав. Степановичъ займетъ мѣсто Командира Севаст. Порта, такъ какъ Станюковичъ, къ общему удовольствію, уѣзжаетъ тоже въ Николаевъ.—

Наконецъ, электрической телеграфъ между Петербургомъ и Кіевомъ оконченъ. Первые вѣсти, сообщенныя имъ, были не радостны: 21-го числа увѣдомили Великихъ Князей, что Императрица опасно занемогла, и черезъ нѣсколько часовъ они уѣхали къ общему сожалѣнію всѣхъ войскъ.—Теперь извѣстія изъ Крыма будутъ доходить въ столицу на третьи сутки.

Въ послѣднее время, желая сжечь бѣдный остатокъ нашего флота, непріятель бросаетъ много Конгревовыхъ ракетъ. Летятъ онѣ почти за 3000 сажень и падаютъ между кораблями. Одна попала на корабль „Константинъ“, но значительнаго вреда не нанесла.

Ракеты 2-хъ сортовъ: однѣ имѣютъ на концѣ гранату, и вредятъ разрывомъ ея, другія оканчиваются желѣзнымъ конусомъ, набитымъ сильнымъ горючимъ составомъ.—Попадая въ дерево, онѣ зажигаютъ, но если падаютъ на землю, то отъ силы удара врываються глубоко и потухаютъ, вѣроятно, отъ недостатка воздуха.—До этихъ поръ вообще онѣ сдѣлали намъ мало вреда. Земляныя работы непріятеля подвигаются весьма быстро впередъ. Чѣмъ все кончится—знаеть Богъ. Съ прибыт. Сардинцевъ ожидаютъ движенія войскъ и въ тоже время бомбандировки. Идемъ этого со дня на день.

25 фев. 1855 г.

16.

Севастополь 30 марта.

Вотъ уже третій день, Почтенная Анна Петровна, что мы выдерживаемъ страшную бомбандировку.—Днемъ непрерывный гулъ орудій, по ногамъ бросаютъ тысячи ракетъ и бомбъ изъ мортиръ.—Но пожары рѣдки и ихъ успѣваютъ тушить. Въ настоящее время больше чѣмъ когда нибудь покровительствуетъ намъ Провидѣніе. Много жертвъ пало, но главные начальники наши невредимы.

Вчера взяли плѣннаго, и онъ показаль, что это будетъ продолжаться еще два или три дня, и тогда пойдуть на штурмъ. Сегодня же долженъ принять участіе въ дѣлѣ и флотъ. 13 кораблей, 7 фрегатъ и множество пароходовъ въ совершенной готовности, ждали съ минуты на минуту, чтобъ имъ вступить въ дѣло.

Вотъ все, что могу сказать Вамъ въ настоящую минуту.—Если удастся отстоять Севастополь еще три дня, то по всей вѣроятности отстоимъ его совсѣмъ.

17.

Вотъ уже нѣсколько дней, что бомбандировка тише, а вмѣстѣ съ этимъ, что и потери наши въ людяхъ значительно меньше. Артиллерія непріятеля гораздо сильнѣе, чѣмъ была 5-го Октября, какъ числомъ орудій, такъ и величиною ихъ; но и мы усилились и держимся хорошо.—Порохъ и снаряды, благодаря нераспорядительности Меншикова, мы должны расходовать экономически, а если бы не это, то, вѣроятно, нанесли бы непріятелю больше вреда, чѣмъ теперь.—

Хотя Князь Горчаковъ и употребляетъ всевозможныя усилія къ доставкѣ снарядовъ, но одно время нечего было возить, потому что не было сдѣлано заранѣе заказовъ.—

Съ Божіею помощію надѣемся, что отстоимъ городъ, которому суждено выдерживать всѣ усилія непріятеля.—Конечно, исторія не представляетъ, чтобъ когда-нибудь были употреблены такія огромныя средства: только моремъ можно доставлять пушки и мортиры, въ которыхъ по 200 и 300 пудовъ вѣсу.

Доставка сухимъ путемъ и самыхъ легкихъ вещей гораздо затруднительнѣе. Лучшимъ тому доказательствомъ, какъ долго были въ дорогѣ Ваши мужички. Дениса я не видалъ. Онъ искалъ меня двое сутокъ, но не могъ найти. При множествѣ войскъ въ Севастополѣ это легко могло случиться, и тѣмъ болѣе, что я уже не Комендантомъ Ростиславскаго редута, а поступилъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ (т. е. управляю штабомъ) командира Порты. Василій былъ счастливѣе его: онъ встрѣтилъ одного изъ адъютантовъ Штаба, который и привелъ его ко мнѣ. Старикъ мнѣ очень понравился: это настоящій русскій смышленный и умный человѣкъ.

Посылки доставлены въ совершенной исправности: позвольте еще разъ поблагодарить Васъ и Вашу родственницу. Я думаю, Вы одобрите употребленіе, изъ нихъ сдѣланное. Я отослалъ ихъ на одинъ изъ кораблей, на которомъ лечатся 16 челов. раненыхъ офицеровъ и до 200 матросъ. Корпія пошла прямо въ дѣло, а изъ холста сдѣлали нѣсколько десятковъ бинтовъ и пошили наволочки, въ которыхъ нуждались; одна штука еще не тронута, берегу для собственной нужды.—Немного корпіи послалъ я и къ Ив. Семенов. Яновскому, который былъ раненъ, но весьма счастливо, въ ногу.

15 Апр. 1855.

18.

Я такъ много виноватъ передъ Вами, Почтенная и Многоуважаемая Анна Петровна, своимъ долгимъ молчаніемъ, но одна изъ главныхъ причинъ та, что не могу сказать ничего сколько-нибудь отраднаго или утѣшительнаго. Къ сожалѣнію, долженъ сказать совсѣмъ противное.

Работы непріятеля подвигаются быстро впередъ; въ разное время ему удалось отхватить наши траншеи и ложементы и обратить ихъ въ свою пользу.—

Не дальше, какъ въ ночь съ 10-го на 11 Мая было чрезвычайно кровопролитное дѣло, стоившее намъ огромныхъ потерь и въ особенности несчастное по своимъ результатамъ. Наканунѣ, выведя нѣсколько тысячъ на работу, мы сдѣлали въ одну ночь огромную, или вѣрнѣе сказать—весьма длинную траншею. Французы не ожидали этого и дозволили работать безнаказанно. На слѣдующую ночь пошли оканчивать работу и были готовы встрѣтить непріятеля. Они не заставили долго ожидать себя. Около 10 часовъ началось сперва артиллерійское дѣло: они бросили къ намъ несмѣтное число снарядовъ, не сдѣлавшее однако большого вреда, потомъ началось не сраженіе, а можно сказать, рѣзня и кончилось съ разсвѣтомъ, т. е. около 4-хъ часовъ утра. 3000 человекъ выбыли изъ строя. Французы потеряли меньше, но тоже весьма значительное число. Траншея за нами. На слѣдующую ночь мы послали на работу только два батальона. Французы опять напали въ огромныхъ силахъ; хотя солдаты дрались геройски и не хотѣли отступать, но принуждены были уступить силѣ; потеря въ людяхъ до 600 человекъ, но главное несчастіе въ томъ, что траншея за ними, и теперь они укрѣпились тамъ. Мнѣніе людей свѣдущихъ,

что траншеи или не надобно было дѣлать, или отстаивать до-нельзя. Такъ мнѣ кажется и самому, и я увѣренъ, что если бы мы отстояли ее во вторую ночь, то больше они не трогали бы ее.

Повторяю опять: одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится и на Него вся наша надежда.

Благодарю Васъ за сообщенныя мнѣ свѣдѣнія о нашихъ вельможахъ. Скажу Вамъ откровенно, что не безъ удивленія прочелъ въ послѣднемъ „Инвалидѣ“, что Долгоруковъ получилъ Андрея Первозваннаго.—Я могу довольно основательно говорить о томъ совершенномъ хаосѣ, въ которомъ находится Военное Министерство. Какъ бы только не истощились запасы Севастопольскіе.

Кончаю письмо черезъ двѣ недѣли послѣ того, что началъ; все это время было не до него.

Обращаюсь къ прежнему разсказу. Съ окончаніемъ запасовъ Морского Вѣдомства, у насъ во всемъ недостатокъ. Не только ядеръ и пороку, но даже свинцу нѣтъ въ достаточномъ количествѣ. Повѣрите ли, что при второй бомбандировкѣ мы едва могли дѣлать по 20 выстрѣловъ изъ орудія, когда непріятель дѣлалъ по 100 и болѣе. Теперь, впрочемъ, подвезли все необходимое (кромѣ солдатъ) и нѣсколько дней можемъ поддерживать усиленную пальбу.

Зато непріятельскія батареи гораздо ближе къ намъ, чѣмъ прежде и поставлены на весьма невыгодныхъ для насъ мѣстахъ. Скажу по совѣсти, что положеніе Севастополя въ настоящее время хуже, чѣмъ когда нибудь, и послѣдняя бомбандировка рѣшитъ окончательно участь его: суждено ему пасть или быть отстоену.

Большинство увѣрено въ успѣхъ, и славу Богу, но тѣ, кому дѣла извѣстны хорошо—тѣ находятъ положеніе наше слишкомъ незавиднымъ.

О взятіи Керчи Вы, конечно, уже слышали и это гораздо важнѣе, чѣмъ думаютъ въ Петербургѣ. Керченскій проливъ есть ключъ Азовскаго моря и теперь непріатели тамъ хозяйничаютъ по своему: забираютъ все, что можно взять, а остальное жгутъ и истребляютъ. Въ одномъ Геническѣ сожжено до 160 судовъ и сотни тысячъ четвертей хлѣба, а потери наши въ Бердянскѣ, Мариуполѣ и другихъ мѣстахъ неисчислимы... для Петербурга все это бездѣлица, потому что

не давали войска, защиты береговъ. Нельзя не сказать, что отчасти виновать въ недостаткѣ распорядительности Главнокомандующій, но вообще всё винять его за недостатокъ энергіи и нерѣшительность, чему, къ сожалѣнію, есть много доказательствъ.

Получено вѣрное свѣдѣніе, что въ дѣлѣ 10-го Мая, когда въ траншеяхъ мы потеряли 3000 человекъ, у Французовъ выбыло 5000, но мы отдали траншею и дали непріятелю этимъ огромное преимущество; на мѣстѣ нашихъ траншей они устраиваютъ батареи, а главное—успѣхъ ихъ много окуражилъ. Около Ингермана имъ тоже удалось отбѣснить нашихъ и занять нашу позицію, и, надо сознаться, что мы проспали, а теперь не рѣшаемся дѣйствовать.

Вотъ въ какомъ незавидномъ положеніи наши дѣла. На слѣдующей почтѣ высылаю Вамъ планъ нашихъ укрѣпленій, а теперь кончаю писать, потому что надо итти на службу.

Остаюсь истинно почитающій Васъ и душевно преданный

Платонъ Воеводскій.

25 Мая 1855.

20.

Едва имѣю нѣсколько минутъ, чтобы порадовать Васъ, Почтенная Анна Петровна, доброю вѣстію: 6-го числа, послѣ страшной бомбандировки, какой мы не видали еще, пошли непріатели на штурмъ и были отбиты. Въ одномъ слабомъ мѣстѣ они ворвались, заняли одну батарею и бросились дальше, но наши подоспѣли и никто изъ гостей не воротился къ себѣ, чтобъ похвастать подвигомъ. Героємъ этого дня былъ Генер.-лейтн. Хрулевъ, но солдаты вообще вели себя молодцами.—Французовъ было гораздо больше, чѣмъ Англичанъ, и они понесли большую часть потери.

Неудача очень сконфузила благородныхъ союзниковъ, и они вслухъ бранятъ одни другихъ. Впрочемъ, по словамъ бѣжавшихъ, собираются штурмовать еще разъ, а мы можемъ смѣло сказать: милости просимъ.

Батарея Ив. Семен. Яновскаго, по своему положенію, принимала весьма дѣятельное участіе, и надо сказать по справедливости—

дѣйствовала молодецки.—Французы сильно озадачены были тѣмъ, что при штурмѣ солдаты наши не ожидали ихъ за брустверомъ, какъ это должно дѣлаться, а, слѣдуя примѣру молодецвъ офицеровъ, влѣзли на самый валъ и бились тамъ грудь съ грудью. Не имѣя возможности бесѣдовать съ Вами и долѣе и описать интересныя подробности, я закончу письмо тѣмъ, что успѣхъ поднялъ до нельзя духъ нашихъ солдатъ. Дай Богъ скорѣе имѣть случай порадовать Васъ доброй вѣсточкой.

P. S. Я увѣренъ, что получивши извѣстіе о 6 Іюня Марія Егоровна вздохнетъ свободнѣе.

21.

Печальная вѣсть о новой утратѣ, понесенной Черноморскимъ флотомъ, вѣсть о кончинѣ Гав. Степ. Нахимова дошла, вѣрно, уже до васъ, Почтенная и Многоуважаемая Анна Петровна.

Не стану описывать, что потерялъ въ немъ я, жившій 18 лѣтъ подъ одною кровлею, но что потерялъ въ немъ Черноморскій флотъ—этого не выразить никакими словами.

Какъ ни тяжело мнѣ говорить объ этой тяжелой утратѣ, но вотъ нѣсколько словъ о кончинѣ достойнаго Адмирала.

Долго хранило его Провидѣніе; не было дня, чтобъ онъ не подвергалъ жизнь опасности, а при бомбандировкѣ и штурмѣ постоянно находился въ самомъ жаркомъ огнѣ; въ доказательство скажу, о чемъ умалчивалъ прежде, что два раза едва не попался въ плѣнъ, наконецъ, 28 Іюня, осматривая непріятельск. работы въ 6¹/₂ часовъ по полудни, былъ смертельно раненъ въ лѣвый високъ пулею. До самой минуты кончины, послѣдовавшей 30 Іюня въ 11 часовъ 7 минутъ пополуночи, онъ вахотился въ безчувственномъ состояніи и скончался безъ малѣйшаго признака страданія, какъ истинный праведникъ.... Меня требуютъ въ Глав. Квартиру къ Главнокомандующему. Волей не волей долженъ бросить письмо. Спѣшу только сказать, что бѣдный нашъ Ив. Семеновичъ раненъ: ему отняли ногу, но рана идетъ прекрасно и можно ручаться за его жизнь; страданія онъ выдерживаетъ истиннымъ рыцаремъ.

Прощайте до слѣдующей почты.

13 Іюля.

22.

Богъ знаетъ, какъ это ходитъ почта на Святой Руси!

Повѣрите ли, Почтенная и Многоуважаемая Анна Петровна, что только недѣлю назадъ получилъ я письмо Ваше отъ 23-го Іюня, и потомъ на слѣдующей почтѣ другое, отъ 30 Іюля.—

Посылки дошли всѣ въ совершенной исправности. Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить Васъ, и поблагодарить отъ имени тѣхъ, кому онѣ были полезны, а такихъ много. Вотъ какъ я распорядился съ ними: на всей оборонительной линіи, въ мѣстахъ по возможности закрытыхъ, устроены небольшіе перевязочные пункты, гдѣ подается первая помощь. На нѣкоторыхъ была еще корпія, но бинтовъ, компресовъ, тесемокъ, нитокъ не было нигдѣ.—Всѣмъ этимъ я снабдилъ изъ Вашего запаса, разрѣзавши одну штуку на бинты. Полотенца и холсты отдалъ я въ нашъ офицерскій лазаретъ. Часть малины оставилъ у себя, и она пригодилась мнѣ: сперва простудился я самъ, а потомъ мой человекъ, и обоихъ насъ поставила на ноги малина. Могу увѣрить Васъ, что многіе, очень многіе произносятъ имя Ваше съ благодарностію.

Въ письмахъ Вашихъ постоянно такъ много истины, что они для меня, какъ пророчества. Сознаюсь Вамъ, что я не могъ объяснить себѣ хорошенько, до полученія письма Вашего, причинъ настоящей войны, теперь же я вполне убѣжденъ, что Англія затѣяла ее изъ опасенія Франціи; а для Наполеона, чтобъ имѣть время забыть, кто онъ такой, нужно было во что бы то ни стало затѣять съ кѣмъ бы то ни стало войну. .

Письмо это я началъ писать 22 Авг. Усиленные дѣйствія непріятеля, а вмѣстѣ съ этимъ и увеличившіяся работы не позволяли окончить его; и теперь, 7 Сентября, едва имѣю время исполнить это.

Печальная участь Севастополя Вамъ уже извѣстна. Штурмъ былъ отбитъ на 2-хъ пунктахъ, но третій, самый важный, отдали и принуждены были отступить.

Когда нибудь на досугѣ опишу, какъ все было, а теперь скажу только, что, благодаря Всевышняго, я и въ эти тяжелые дни остался невредимъ.

7 Сентября 1855.

23.

Немного болѣе 3-хъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ Вамъ, Почтенная Анна Петровна, а сколько измѣнилось съ того времени какъ въ моей собственной судьбѣ, такъ и всего Черноморскаго флота.

Штабъ Командира Севастопол. порта упраздненъ и я получилъ подъ команду 40-й флот. экипажъ.—По Высочайшей волѣ 5 экипажей переводятъ изъ Чернаго моря въ Балтику, въ томъ числѣ и мой. Два назначены въ Астрахань для Каспійскаго моря и одинъ въ Архангельскъ. Выступленіе ихъ назначено было 20 Ноября.—

Скажу Вамъ откровенно, что я рѣшительно противъ этого распоряженія: разрушить, уничтожить не трудно, а каково то будетъ создавать вновь. Черноморскій флотъ силенъ былъ прекраснымъ направленіемъ офицеровъ, настоящимъ взглядомъ ихъ на службу и, наконецъ, благородными отношеніями между начальниками и подчиненными, словомъ, силенъ былъ нравственно. Разрозненный, разброшенный въ разныя мѣста, онъ и самъ утратитъ эти достоинства и не привьетъ ихъ другимъ, на почвѣ къ тому не приготовленной, особенно въ Балтикѣ, гдѣ все дѣлается на показъ, гдѣ поставить, какъ говорится, товаръ лицомъ—считается первымъ достоинствомъ, а благосостояніе командъ—дѣло второстепенное. Конечно, на Черномъ морѣ нечего больше дѣлать, да и въ Балтійскомъ ничего не предпримуть, и, по моему, слѣдовало бы оставить все по прежнему.

Писавши къ Вамъ послѣдній разъ, я ничего не упомянулъ о своей болѣзни, такъ какъ въ то время мнѣ стало легче и я началъ выходить, но это продолжалось не долго и опять пришлось ходить на костылѣ. Не обративши вниманія на контузію, полученную при самомъ оставленіи Севастополя, я за это заплатился и почти цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ комнаты, но теперь, благодаря Бога, совершенно здоровъ.

Получивъ назначеніе въ Петербургъ, первую мечтою моею было посѣтить Васъ, и потомъ въ Калугѣ родителей бѣднаго Иванъ Степановича, но судьба хотѣла иначе. Я получилъ подъ команду одинъ изъ винтовыхъ корветовъ, строящихся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ этимъ предписаніе: быть тамъ въ Декабрѣ. Какъ ни малъ былъ даваемый мнѣ срокъ, но это не помѣшало бы мнѣ заѣхать къ Вамъ,

но 9-го Нояб. я получилъ письмо изъ деревни, что 70-лѣтній мой отецъ, слѣпой уже два года, сильно занемогъ. Я бросился по начальству выхлопоталъ отпускъ и 10-го вечеромъ былъ уже въ дорогъ. Имѣніе наше въ 100 верст. отъ Смоленска. Ъхавши на Калугу, я долженъ бы сдѣлать до 400 верстъ крюку и, дорожа минутою, я поѣхалъ по бѣлорусскому тракту, а 20 числа обнялъ сестеръ и папеньку, которому стало лучше.

26 Нояб. 1855 г.

24.

Писавши Вамъ, Почтенная Анна Петровна, о паденіи Кинбурна, помнитса, я не сказала Вамъ причинъ этого. Можно сказать достоверно, какъ недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ, такъ равно и ничтожность самыхъ укрѣпленій равно способствовали этому. Можетъ быть, Вы спросите: для чего же было имѣть негодныя укрѣпленія на мѣстѣ столь важномъ и не лучше ли было бы упразднить ихъ вовсе, чѣмъ доставлять непріятелю столь важныя и вмѣстѣ легко купленные трофеи? На это остается отвѣчать одно, что, къ сожалѣнію, у насъ еще слишкомъ часто личные интересы ставятся выше пользы государственной.—

Право, насъ совершенно напрасно обвиняютъ въ подражаніи иностранцамъ. Основной характеръ нашъ не измѣнился, несмотря на многіе уроки, мы какъ и прежде, предпочитаемъ дѣлать на *авось*, и въ 19-мъ столѣтіи можемъ сказать точно такъ же, какъ тогда, какъ призвали первыхъ Князей на царство: „Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“. Справедливость этого я вполне испыталъ на пути отъ Николаева до Смоленска: недостатокъ въ лошадяхъ, задержки и неисправности на переправахъ и дурныя дороги на долго будутъ мнѣ памятны. Изъ всего пути самая скверная, запущенная дорога, это въ Гомель, прямо противъ оконъ великолѣпнаго дворца Кн. Паскевича. Во 20-и шагахъ отъ него у меня сломалась ось и, проведя тамъ 10 часовъ, я имѣлъ случай удостовѣриться, что управлющіе Его Сіятельства блаженствуютъ; что 22 тыс. душъ расположенныя кругомъ Гомеля угнетены и бѣдствуютъ и что положеніе ихъ несравненно хуже, чѣмъ населяющихъ Гомель жидовъ. Должно ли быть такъ?—Это другой вопросъ.

Время идетъ необыкновенно скоро, мѣсяцъ только могу провести съ родными и онъ уже на исходѣ. Не повѣрите, какъ грустно, что

едва успѣвши, такъ сказать, ознакомиться, сблизиться съ своимъ семействомъ, какъ долженъ опять разставаться.—

Въ память покойнаго адмирала Павла Степановича, семейству нашему оказаны величайшія милости: четыремъ сестрамъ моимъ и двумъ дочерямъ покойнаго брата назначена пенсія по 300 каждой по смерти. Папенькѣ дано 10 т. рублей на уплату въ Опекунскій Совѣтъ и частныхъ долговъ и теперь имѣніе наше свободно. Право, страшно подумать, на какую службу это меня обрекаетъ. Я располагаю выѣхать 20-го числа; хочется пробыть день, два въ Москвѣ, съ которою вовсе незнакомъ. Если бы не приказаніе Генерала—Адмирала: быть въ декабрѣ въ Петербургѣ, конечно, я провелъ бы праздники съ родными—удовольствіе, котораго не испыталъ во всю жизнь.

9-го декаб. 1855.

25.

Не повѣрите, какъ хочется мнѣ, Почтенная и Многоуважаемая Анна Петровна, знать Ваше мнѣніе касательно мирныхъ переговоровъ и вообще настоящихъ событій. Я такъ привыкъ къ непреложности его, что увѣренъ вполнѣ, что и въ этотъ разъ оно оправдалось бы.

Что касается до меня, то такъ какъ въ настоящую минуту Россія все же гораздо болѣе приготовившись къ войнѣ, чѣмъ при началѣ ея, и какъ непріятель, завладѣвъ чѣмъ только было можно у береговъ, долженъ отправиться внутрь, а это для него чрезвычайно трудно, то и не слѣдовало бы заключать условій, не къ чести нашей клонящихся.— Но если справедливо, что, въ случаѣ отказа Россіи, коалиція увеличивалась и противъ насъ становились Швеція, Австрія и Баварія, то, конечно, слѣдуетъ заключить миръ во что бы ни стало и, собравшись съ силами, выждать благоприятнаго случая, который, нѣтъ сомнѣнія, скоро представится. Несмотря на тѣсный союзъ Англіи и Франціи, все же этотъ союзъ противоестественный и не можетъ долго продолжаться.—

Дай только Богъ, чтобъ тяжелые уроки, нами полученные, не пропали даромъ, а, къ сожалѣнію, въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ. Вотъ тому доказательство. Чевкинъ, вскорѣ по поступленіи на мѣсто Клейнмихеля, предложилъ министрамъ собраться и объявилъ, что онъ по своему министерству въ столкновеніи съ каждымъ изъ нихъ, и что не можетъ даже ничего предпринять безъ ихъ указаній; и потомъ,

обратясь къ Военному Министру, спросилъ, какіе пути и дороги ему необходимы въ стратегическомъ и военномъ отношеніи? На это будто бы Долгорукій отвѣчалъ, „что не можетъ сказать положительно, а прикажетъ навести справки.“ Кажется, было время подумать объ этомъ, потому что съ перваго дня войны недостатокъ путей сообщенія чрезвычайно ощутителенъ и едва ли это не главная причина несчастныхъ результатовъ всей кампаніи.

Трудно рассказать, до какой степени простирался недостатокъ снарядовъ въ дѣйствующей арміи; не говоря о томъ, что въ Севастополѣ не доставало ни бомбъ, ни ядеръ, ни пороху,—но армія не имѣла пуль. Мы отдали изъ Морского вѣдомства 2000 пудовъ свинцу на литье ихъ; сперва отдавали Адмиралтейскіе запасы, а потомъ обдирали съ кораблей всякую маленькую пластинку свинцу, которая попадалась подъ руки, и дѣлать это заставляла одна крайность.

Конечно, кто былъ самъ личнымъ этому свидѣтелемъ, тотъ не сдѣлаетъ особенно выгоднаго заключенія о способностяхъ военнаго министра, хотя и говорятъ вообще, что онъ человекъ весьма хорошій, благородный. Слышалъ я, что Москва недовольна принятыми условіями и будто бы дворянство хотѣло поднести Государю адресъ въ этомъ духѣ; но какъ общественное мнѣніе—слово на Руси новое, да и Закревскій—цензоръ не совсѣмъ снисходительный, то если бы и были затѣи,—все должно кончиться ничѣмъ. Впрочемъ, Вамъ должно быть извѣстно гораздо лучше, чѣмъ мнѣ.

Назначеніе Князя Меншикова военнымъ губернаторомъ меня нисколько не порадовало и чрезвычайно удивило. Неужели человекъ этого не разгадали до настоящаго времени? Увѣренъ, что онъ будетъ дѣятельно хлопотать объ укрѣпленіи Кронштадта, (который было время обезопасить въ продолженіи 25-лѣтняго министерства Князя); увѣренъ, что если будутъ бомбандировать Кронштадтъ, онъ будетъ дѣйствовать храбро, но я увѣренъ также вполне, и готовъ отвѣчать чѣмъ угодно, что до начала военныхъ дѣйствій онъ пересоритъ между собою всѣхъ главныхъ начальниковъ, какъ флотскихъ, такъ и сухопутныхъ. Это его всегдашняя метода, и гдѣ только ни начальствовалъ Князь, вездѣ появлялись раздоръ и несогласіе.

Письмо это я началъ писать 10-го Января; но прежде, чѣмъ кончилъ, былъ неожиданно посланъ въ Кронштадтъ, откуда и воротился только вчера. Укрѣпленія подвигаются быстро и въ огромныхъ

размѣрахъ. На мелководіи бьютъ сваи, дѣлаютъ насыпи и устраиваютъ батареи тяжелаго размѣра. Нельзя, однако же, не пожалѣть, что неприятельская артиллерія все таки болѣе и тяжелѣе нашей. До 15 т. человекъ были заняты возведеніемъ укрѣпленій, но рабочихъ рукъ оказалось мало и вчера должны были выступить въ Кронш. всѣ 6-ые гвардейскіе батальоны, что составляетъ до 12-ти тысячъ. Можно сказать навѣрное, что если неприятелю не удалось ничего сдѣлать Кронштадту въ тѣ года, то нынѣшній это будетъ еще труднѣе. Начальникомъ Штаба при Князѣ назначенъ В—Ад. Путятинъ. Отъ его энергіи, способностей и преданности своему дѣлу надо ожидать большой пользы.

Много затруднятъ неприятеля набитыя въ огромномъ количествѣ сваи и затопленные *ряжи*: это небольшіе срубы, сдѣланные на подобіе избы; ихъ наполняютъ большими камнями и потомъ, подрубивши ледъ, погружаютъ на дно. Представьте себѣ! Полезная мѣра эта была предпринята на бумагѣ во время министерства Князя, только, къ сожалѣнію, на дѣлѣ никакихъ преградъ не оказалось. А огромныя суммы выведены инженерами въ расходъ. Такъ по всѣмъ частямъ умѣлъ онъ отыскивать людей недостойныхъ! Конечно, самъ онъ ничѣмъ не воспользовался, но легче ли отъ этого Россіи?

Теперь нѣсколько словъ о самомъ себѣ. Въ Москвѣ, при всемъ желаніи, мнѣ не удалось побывать. Я провелъ два лишніе дня дома и, чтобъ вознаграждать это, долженъ былъ ѣхать прямо въ Петербургъ, гдѣ и былъ принятъ Великимъ Княземъ чрезвычайно милостиво.

Постройка корветовъ идетъ весьма успѣшно: къ Іюню должны быть готовы, и такъ какъ они вооружены 68-ми фунтовою артиллерією, то можно надѣяться, что принесемъ пользу.

По морскому вѣдомству такъ много полезныхъ затѣй, что нельзя не пожелать мира для исполненія ихъ. Вчера я слышалъ, что отъ насъ ѣдутъ на конференціи: Гр. Орловъ, Бар. Бруновъ, Титовъ и Фонтонъ. Дай Богъ имъ успѣха.—Сегодня же посылаю письмо въ Триэсть, но попрошу Васъ, писавши, сказать мое искреннее привѣтствіе.

25 Января 1856.

27.

Наконецъ, я могу поздравить Васъ, Многоуважаемая и Почтенная Анна Петровна, съ заключеніемъ мира. Давно поговаривали объ этомъ утвердительно, но только вчера объявлено официально.—Условій хорошенько не знаю, но вообще говорятъ, что они лучше, чѣмъ ожидали. Каковы бы они ни были, я душевно радъ заключенію мира.

Отъ многихъ я слышу, что война отодвинула на 100 лѣтъ назадъ. Съ своей стороны думаю совершенно иначе; мнѣ кажется, что Россія получила благодѣтельный толчокъ впередъ. Во-первыхъ: до войны всѣ машины для пароходовъ выписывались изъ Англіи, Швеціи, Голландіи и Америки и не дѣлались онѣ только на Руси. Не далѣе, какъ прошлаго года у насъ сдѣлано 40 машинъ въ 100 силъ каждая, онѣ поставлены на лодки, испробованы и не остается желать ничего лучшаго. Къ нынѣшнему лѣту должны быть кончены: 4 корабельныя машины до 500 силъ каждая; 14 корветскихъ машинъ по 260 силъ, 6 машинъ въ 180 силъ для судовъ архангельскихъ и 20 машинъ для лодокъ.—Вотъ огромное развитіе отрасли необходимой, почти не существовавшей. Основанные разъ заводы, конечно, будутъ поддерживаться и огромный капиталъ останется на Руси.

Безъ войны мы, можетъ быть, до настоящаго времени не видѣли бы необходимости улучшить пути сообщенія; можетъ быть и Клейнмихель оставался бы на своемъ мѣстѣ, а согласитесь, что перемѣна этого человѣка есть польза государственная.

Обращено также вниманіе на улучшеніе быта солдатъ, или вѣрнѣе выразиться на то, чтобъ ихъ меньше грабили, и недавно я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ, что одного Генерала и нѣсколькихъ Штабъ и Оберъ офицеровъ велѣно предать военному суду за разныя злоупотребленія, которыя прежде прошли бы незамѣченными.

Кажется, во многихъ отношеніяхъ можно ожидать улучшеній. Конечно, не слѣдовало бы начинать этой безразсудной войны, а при жалкихъ средствахъ, при неумѣннй вести ее, право, мы заплатили еще дешево и конечно должны радоваться заключенію мира.

Говорятъ, что Орловъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и рассказываютъ анекдотъ, что когда онъ не соглашался на какой

то пунктъ, то Г. Буль нашелъ страннымъ, что не соглашается одна побѣжденная нація; на это будто бы Орловъ сказалъ, что, конечно, опытность даетъ право говорить такъ представителю націи, подписывавшей много разъ невыгодныя условія, но что Россія, хотя и дѣлаетъ уступки, все же не считаетъ себя побѣжденною.

Недавняя поѣздка въ Москву произвела на меня пріятное впечатлѣніе, можетъ быть, частію оттого, что, простудившись на обратномъ пути, я пролежалъ 2 недѣли въ постелѣ, и вотъ причина моего поздняго письма, да и самый городъ мнѣ не понравился. Улицы не освѣщены, никогда не поправляются и за множествомъ выбоинъ не было возможности ѣздить; тротуары не существуютъ и вообще нѣтъ тѣхъ удобствъ, которые ожидаешь найти въ городѣ. Домовладѣльцы, вѣрно, платятъ не мало, и безпорядокъ, конечно, есть слѣдствіе злоупотребленія мѣстныхъ властей.—Въ слѣдующемъ письмѣ скажу о Москвѣ больше. Благодаря заключенію мира, я съ первою же почтою пишу и къ Людвигъ Леопольдовичу, и Васъ попрошу передать ему и въ особенности Марьѣ Егоровнѣ, также и дѣткамъ ихъ мое глубокое уваженіе. Адресъ мой на *Серіевской* улицѣ въ домѣ *Дубенской*.

20 Марта. 1856 г.

28.

Христось Воскресъ.

Поздравляю Васъ, Почтенная и Многоуважаемая Анна Петровна, съ праздникомъ Воскресенія Господня.—Въ этотъ разъ мнѣ удастся встрѣтить его по христіански, т. е. въ церкви, а прошлаго года тяжелое было время: на 2-ой день праздника началась страшная бомбандировка, извѣстная у насъ подъ названіемъ *второй*; было извѣстно, что непріятель предполагалъ, сбивши батареи, идти на штурмъ, но тогда мы имѣли еще снаряды и вышло иначе. Я все еще не знаю хорошенько условій мира, но чрезвычайно радъ заключенію его. Недавнія перемѣны нѣкоторыхъ нелѣпыхъ постановленій, тяготѣвшихъ надъ Россією, заставляють ожидать много прекраснаго отъ настоящаго Царствованія. Такъ, напримѣръ, отмѣнено постановленіе, чтобъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія и въ Лицеѣ всѣ преподаватели были изъ военныхъ; постановленіе—вредиѣе и безпутнѣе трудно придумать.

Въ Министерствѣ Иностран. Дѣлъ готовятся большія перемѣны, да и пора бы, а то ужъ было слишкомъ иностранное. О перемѣнахъ

этихъ вы вѣрно уже знаете. Говорятъ, что Военный Министръ ѣдетъ по машинкамъ въ Парижъ. Воображаю, съ какимъ почетомъ приметъ его Наполеонъ, по крайней мѣрѣ, онъ заслужилъ это вполне; оказывая нераспорядительностію гораздо болѣе услугъ Французамъ, чѣмъ своимъ.

Черноморскіе моряки идутъ обратно во-свои на шести винтовыхъ корветахъ, но мнѣ выпала другая доля: я получилъ балтійскій экипажъ (1-ой) и сдѣланъ командиромъ строющагося въ Гельсингфорсѣ 50-ти пушечнаго *винтового* фрегата *Громобой*; назначеніе это весьма лестное, только жаль, что фрегатъ неготовъ и не пойдетъ нынѣшній годъ въ море. По случаю заключенія мира, Викторія разрѣшила вывозъ въ Россію *машинъ*; только какъ удивятся и пожалѣютъ г. г. заводчики, когда у нихъ не станутъ брать. Въ послѣднее время, участіемъ Генералъ Адмирала, данъ сильный толчокъ этой полезной и бывшей у насъ сильно позади отрасли промышленности; не дальше, какъ въ 1858 году мы будемъ имѣть 12 *винтов.* кораблей и нѣсколько фрегатовъ съ Русскими машинами и основанные однажды заводы, конечно, будутъ совершенствоваться. Какъ ни пріятно мнѣ побесѣдовать съ Вами, но чтобъ не опоздать на почту—долженъ кончить.

10-го Апрѣля 1856.

29.

Предположенія Ваши на счетъ отношеній къ Австріи, къ сожалѣнію начинаютъ оправдываться; отступленіе войскъ нашихъ отъ Силистріи въ то время, когда готовы были взять ее, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ этому. Воображаю, какъ тяжело, какъ грустно должно быть Маріи Егоровнѣ. Я увѣренъ, что кромѣ ея, Анеточки да Людвигъ Леопольдовича, нѣтъ въ цѣлой Австріи чело-вѣка, преданнаго Россіи.

Баронъ Менсдорфъ слыветъ дипломатомъ тонкимъ, но если онъ думалъ, что отъ Австріи можно выиграть проволочками и переговорами, то очень ошибся. Въ подобныхъ обстоятельствахъ Австрійцы обмануть хоть кого; такъ и вышло, до этой поры не знаемъ навѣрное, враги они намъ или пріятели. Я увѣренъ, что политика прямая и рѣшительная была бы въ этотъ разъ для насъ полезнѣе. Тогда не пришлось бы, сдвинувши всѣ войска въ Турцію, возвращать ихъ и посылать на границы Австріи.

Судя по иностраннымъ газетамъ, всё наши порты строго блокируются. На дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое: вчера возвратился пароходъ „Эльборусъ“, взявшій въ 10-ти миляхъ отъ Константинополя два Турецкіе брига; одинъ былъ съ угольемъ для Англичанъ, другой— съ пищей для Французовъ.—Бриги сожгли, а людей отпустили на большой лодкѣ на берегъ. Сегодня ночью опять вышли съ тою же цѣлью два парохода.—

Съ отступленіемъ нашихъ войскъ къ Дунаю, полагаютъ навѣрное, что Англичане и Французы явятся въ Крымъ. Мы готовы ихъ принять. Объ одушевленіи и искусствѣ войскъ не стану и говорить, но и непріятель силенъ, и безъ Божіей помощи трудно будетъ съ нимъ управиться.—

Прошу Васъ въ первый же четвергъ засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе Маріи Егоровнѣ и ея супругу, также и Анеточкѣ, съ которой мы разстались большими друзьями. Я былъ такъ счастливъ, что получилъ отъ нихъ нѣсколько писемъ, но теперь самъ не писалъ цѣлый мѣсяць.

Изъ старыхъ знакомыхъ Вашихъ не удалось мнѣ видѣть никого, за то могу передать самый искренній привѣтъ отъ одного изъ тѣхъ, о которыхъ Вы умолчали: это отъ Алексѣя Семеновича Акимова, теперь старшаго инженера въ Севастополѣ и человѣка всѣми уважаемаго.

Когда я напомнилъ ему о Васъ и Маріи Егоровнѣ, онъ такъ обрадовался, такъ много спрашивалъ, что я увидѣлъ въ немъ человѣка, истинно къ Вамъ привязаннаго.

Платонъ Воеводскій

6-го Іюня 1854. Севастополь.

30.

Въ Маѣ мѣсяцѣ мы иногда имѣли только 4-е (градуса) тепла, и это была одна изъ причинъ болѣзней, а главная: истощеніе силъ при тяжкихъ зимнихъ работахъ.

Плаваніе по Финскому заливу, наполненному отмелями и камнями, довольно опасно въ туманное время. На 6-ой день по

выходѣ, при сильномъ туманѣ, корабль мой сталъ на каменный рифъ, вплоть у Эггольмскаго маяка, миляхъ въ 60-ти отъ Гельсингфорса.

Не далѣе какъ черезъ 10 минутъ туманъ очистился. Положеніе мое замѣтилъ одинъ изъ командировъ кораблей, тоже Черноморецъ и мой короткій пріятель; тотчасъ же подошелъ ко мнѣ, и общими силами стащили „Прохоръ“ на вольную воду. Волненіе было незначительное, поврежденій корабль не имѣлъ, а потому, по докладѣ о случившемся Адмиралу, дѣло на этомъ и остановилось.

Назначеніе эскадры нашей было сперва перевезти войска изъ Финляндіи, что благопріятный вѣтръ позволилъ сдѣлать весьма успѣшно, а потомъ плавать для обученія командъ по Финскомъ заливу.

Плаваніе на одномъ и томъ же мѣстѣ монотонно и однообразно, но въ особенности было непріятно по причинѣ постоянно дурной погоды.

10-го Іюня прибылъ къ эскадрѣ Велик. Князь и принялъ надъ нею начальство.—

Я хлопоталъ о кораблѣ, сколько было силъ, во первыхъ потому, что привыкъ служить порядочно, а во вторыхъ, не хотѣлось мнѣ чтобъ замѣтили что-нибудь у Черноморца: насъ было всего трое, и надо сказать, что смотрѣли на насъ не совсѣмъ доброжелательно.

Что въ присутствіи Генераль-Адмирала каждый бился изъ всѣхъ силъ—объ этомъ говорить лишнее; скажу только, что дни эти были тяжелые. Наконецъ, мы возвратились въ Кронштадтъ.

Какъ только стали на якорь, я, по принятому обыкновенію, поѣхалъ съ рапортомъ къ Велик. Князю; его уже не было, онъ уѣхалъ въ Стрѣльну. Признаюсь, мнѣ это было не только досадно, но и обидно. Я никогда не гонялся сильно ни за крестами, ни за чинами, но тутъ я надѣялся услышать нѣсколько ласковыхъ словъ, которые, право, заслуживалъ 3-хъ мѣсячными неусыпными трудами, и, наконецъ, я сознавалъ самъ, что корабль мой держался хорошо.—

И кажется, какъ бы не подождать какой-нибудь часъ, чтобъ собрались всѣ командиры, чтобъ поговорить съ нами, посмотрѣть, что это за люди.

Много сдѣлалъ флоту добра Велик. Князь; желаетъ еще болѣе, но бѣда въ томъ, что мало знаетъ людей и какъ съ ними обращаться.

Больше всего прискорбно то, что теперь у насъ во флотѣ звѣзда первой величины—это Вице-Ад. Шанцъ; человѣкъ не глупый, плавалъ много, одна бѣда: ненавидитъ Россію, все русское не по немъ, все прежнее не такъ. Довольно сказать, что нововведенія его противорѣчатъ правиламъ покойнаго М. П. Лазарева: это, вѣдь, святотатство. Однимъ словомъ—человѣкъ не заслуживающій ни малѣйшаго уваженія; а между тѣмъ, онъ въ ходу и потому имѣетъ своихъ поклонниковъ.—

Очень хотѣлось бы окончить письмо не такъ грустно и многое хочется сказать Вамъ, но долженъ отложить это до слѣдующей почты. Остаюсь душевно преданный и глубоко уважающій Васъ

Платонъ Воеводскій.

10 Августа 1896 г.

Одинъ изъ пароходовъ нашихъ, назначенный для вдовствующей Императрицы, отправляется за границу; по всей вѣроятности, онъ будетъ въ Триестѣ, и если Вамъ угодно будетъ что нибудь послать, то я съ удовольствіемъ берусь за доставленіе. Высылайте только на имя брата моего Аркадія въ Инспек. Департ. Морск. Министерства, для доставленія мнѣ. Я разсчитываю ѣхать въ Петербургъ.

31.

Исполняя обѣщаніе, сажусь опять писать къ Вамъ, Почтеннѣйшая Анна Петровна.

Я остановился, кажется, на томъ, что флотъ нашъ возвратился въ Кронштадтъ, къ смотру, назначенному 23-го числа.

Смотръ этотъ замѣчателенъ въ 2-хъ отношеніяхъ; во первыхъ: онъ не былъ секретомъ для Петербурга; дозволено было частнымъ пароходамъ присутствовать, и, конечно, многіе воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ посмотреть, что за флотъ у насъ: великъ ли? хорошъ ли онъ? Прежде это никогда не дозволялось.

Морское начальство наше было на этотъ разъ такъ внимательно, что старичкамъ адмираламъ, чинамъ адмиралтействъ—Совѣта и другимъ дали казенный пароходъ, и они могли присутствовать на смотру, а до этихъ поръ и они для флота и флотъ для нихъ были какъ бы схоронены.

Во-вторыхъ, смотръ замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ участвовали первые русскіе винтовые суда; это были: 84-хъ пушеч. корабль *Выборгъ*, 50-ти пушеч. Фрегатъ *Палканъ* и 75 канонерскихъ лодокъ. На первыхъ двухъ машины Англійскія, полученныя до начала войны, но на лодкахъ ни одного гвоздя иностраннаго, и надо сказать, что механизмы сдѣланы прекрасно.

Такъ какъ эта отрасль не имѣла у насъ никакого развитія, а приготовленіе въ продолженіи двухъ лѣтъ 75-ти машинъ показываетъ, до чего она можетъ дойти вполнѣ, то, конечно, за это Россія должна быть благодарна Ген.-Адмиралу.

Наконецъ, лодки эти, вооруженныя самою тяжелою артиллеріею, есть сила существенная и будь часть ихъ въ началѣ войны, непріатели не могли бы дѣйствовать такъ безнаказанно.

Прекрасная погода благопріятствовала смотру; все шло, какъ нельзя удачнѣе. Государь изъявилъ сигналомъ свое благоволеніе, а матросамъ пожаловалъ по 1-му рублю.

Эскадра стала готовиться опять въ море. Едва успѣлъ я принять провизію, налиться водою, словомъ сказать, изготвиться совсѣмъ къ 2-хъ мѣсячному плаванію, какъ мнѣ велѣно было ввести корабль въ гавань, а самому немедленно отправиться въ Гельсингфорсъ для при-смотра за „Громобоемъ“, и я едва имѣлъ время съѣздить на одинъ день въ Петербургъ проститься съ родными.

О Гельсингфорсѣ, замѣчательномъ ненавистію жителей и вообще Финдлянцевъ ко всему русскому, я поговорю въ другой разъ, а теперь спѣшу отвѣчать Вамъ насчетъ адреса брата Степана. Онъ теперь въ Ситхѣ правителемъ Сѣверо-Американской колоніи. Будучи чловѣкомъ семейнымъ и небогатымъ, онъ пошелъ въ такую даль потому, что Компанія даетъ ему 10 тысячъ сереб. въ годъ жалованія, и въ тоже время онъ считается въ коронной службѣ. О Кавелинѣ я много хорошаго слышалъ отъ родныхъ. Кажется, несчастная любовь

причиною, что онъ удалился отъ свѣта. Онъ очень порадуетъ брата, если дастъ о себѣ вѣсточку; адресовать же надо въ С.-Петербургъ, въ Правленіе Россійско-Американской Компаніи.

Сегодня вечеромъ отправляюсь на двѣ недѣли въ Петербургъ, по дѣламъ службы. Если въ это время Вы вздумаете порадовать извѣстіемъ о себѣ или о Маріи Егоровнѣ, то попрошу Васъ писать на имя брата Аркадія, въ С.-Петерб., въ Инспекторской Департаментъ Морск. Министерства. —

Душевно преданный и глубокоуважающій Васъ.

Платонъ Воеводскій

21 Август. 1855 года.

